

В.И. Павлов, канд. юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института правовых исследований
Национального Центра законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

«СМЕРТЬ» СУБЪЕКТА ПРАВА ИЛИ К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗРАБОТКИ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ «ПРАВОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

В наше время юриспруденция, равно как и весь корпус гуманитарного знания, находится в достаточно сложной эпистемологической ситуации. Вопрос методологической определенности является сегодня, пожалуй, самым актуальным для юридической науки и это ощущается по публикациям в ведущих юридических журналах последних лет [1; 2; 3 и др.]. Во многом современная методологическая ситуация была подготовлена развитием юриспруденции в советский период.

В советском правоведении, как известно, методологическое кодирование юридического знания осуществляла общая теория государства и права. Диалектико-материалистическая методология, преломляясь через концептуальный аппарат общеправовой теории, последовательно и достаточно успешно реализовывалась в отраслевых юридических дисциплинах. В таком юридическом дискурсе как специфическом закрытом языковом поле, ориентирующемся на описание модели советского общества, до определенного времени вопросов методологического плана не возникало. После распада СССР гуманитарная наука оказалась свободной и в то же время вынужденной осваивать громадное поле зарубежных исследований. Если отраслевые юридические дисциплины в этой ситуации фактически продолжали использовать методологический потенциал, накопленный в советское время (объективно сразу «переписать» все законодательство было невозможно), а специалисты-отраслевники продолжали работать над различными правовыми институтами по старым исследовательским схемам с фрагментарным внедрением новых идей, то теоретики права оказались перед куда более сложной задачей. Во-первых, само выделение и автономное существование общей теории в том виде, в котором она сложилась в советской правовой науке, ставило вопрос о месте и предмете данной дисциплины в корпусе постсоветского юридического знания. Во-вторых, перед теоретиками права встала проблема разработки нового методологического основания для дальнейшего развития всей юриспруденции. Определенность по этим вопросам, о чем свидетельствует состояние общетеоретического правоведения, отсутствует до сих пор.

Первый вопрос – вопрос о месте и предмете общей теории государства и права в корпусе юридического знания – остается нерешенным, о чем свидетельствуют продолжающиеся по сей день дискуссии о роли общей теории в современном юридическом знании [см. напр. 4]. И.Ю. Козлихин, например, анализируя, пожалуй, самые серьезные в постсоветские десятилетия попытки построить альтернативные марксистской теории права концепции на базе достижений современной (западноевропейской) философской мысли (герменевтическую теорию права А.И. Овчинникова, диалогическую концепцию права И.Л. Честнова и феноменолого-коммуникативную теорию права А.В. Полякова) полагает, что это, в сущности, «занятие бесперспективное», связывая свое убеждение с тем, что «общая теория права и государства себя изжила», а взамен ее должен быть образован теоретико-методологический корпус дисциплин «философия права – социология права – догма права» [5, с. 40], в котором, по-видимому, определяющую методологическую нагрузку должна нести именно философия права. Несмотря на радикальность заявления И.Ю. Козлихина о «смерти» общей теории права и государства, тем не менее, полагаем, на это есть определенные основания.

Общая теория государства и права в том виде, в котором она сформировалась в советской юриспруденции, была, по сути, закрытой технической дисциплиной, предназначенной для наложения уже на разработанный методологический стержень. Она была не разработчиком, а проводником методологии (и идеологии) в живую ткань юридической жизни и выйти за отведенные для нее границы не могла. Разработанный советскими философами диалектико-материалистический подход позволил теоретикам права сформировать строгую общую теорию государства и права, отшлифовать вопросы догматического и технического плана (классификации, формы, структуры, составы и т.д.). Но лишившись поставщика методологии, общая теория оказалась в непростой ситуации: технические достижения остались и, надо сказать, сегодня небезуспешно используются и развиваются в соответствующих (прикладных) областях юридического знания, однако методологическая функция общей теории остается под большим вопросом.

Решение второго вопроса, касающегося методологической определенности в юридическом пространстве, для общей теории также остается затруднительным. Новая (постсоветская) общеправовая теория должна уметь давать методологические ответы на вызовы времени, предлагать объяснительные схемы движения правового субстрата, однако в том автономном статусе, в котором в советской науке заявила себя эта дисциплина и в

основном по сей день еще продолжает себя позиционировать, дать адекватные ответы на эти вопросы она вряд ли сумеет.

Описание методологического положения общей теории государства и права постсоветских десятилетий, с которого мы начали статью, является одним из условий понимания заявленной темы. Разговор о необходимости переосмысления места человека в юридическом дискурсе («правового человека») можно адекватно понять только в контексте разговора о методологической переориентации юридической мысли в целом, которая, в свою очередь, сегодня постепенно изменяется вместе со всей областью гуманитарного знания.

Причиной изменений и ключевой проблемой наук об обществе и человеке сегодня является кризис классических оснований гуманитарного дискурса, которые были заложены новоевропейской мыслью. Речь идет о кризисе классической рациональности, которая выступила фундаментом всего современного гуманитарного знания, в том числе и юридического. Главной проблемой этого дискурса является *отсутствие в нем проблемы человека*. Центральным событием критики классических эпистемологических оснований стал концепт «смерть субъекта», который был заявлен и теоретически обоснован Мишелем Фуко в 1966 году в его работе «Слова и вещи», а затем развит другими представителями постструктурализма и постмодернизма (Ж. Деррида, Ж. Лакан, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Делез и др.). Как отмечал М. Фуко, «классическая *эпистема* расчленяется по таким линиям, которые никак не позволяют выделить особую, специфическую область человека ... уже само понятие человеческой природы и характер его функционирования исключали для классической эпохи возможность науки о человеке» [6, с. 330]. Уточняя эту мысль, следует сказать, что новоевропейский дискурс не то, чтобы исключил антропологию как таковую, но выстроил совершенно специфическую речь о человеке. Как показал в своих работах С.С. Хоружий, эта речь основывалась на концептуальной антропологической триаде новоевропейской мысли «*сущность – субстанция – субъект*», которая была подвергнута капитальной критике и которая в последнее время все настойчивее выносятся за пределы современной антропологии [7]. Н.С. Автономова в связи с этим также поясняет, что в тезисе о смерти субъекта подразумевается не натуралистическая смерть последнего, но познание причин фундаментальных переломов в понимании человека в истории западноевропейской культуры Нового времени, и именно поэтому «Фуко “ниспровергает” человека, или, точнее, констатирует его “низвергнутость” с гуманистического пьедестала культуры не с точки зрения абстрактной человеческой природы, но с позиций той эпистемы, той социальной и

познавательной структуры, в которой он находится и которая принимает именно этот образ человека» [8, с. 23].

Причиной критики классической гуманитарной эпистемологии во многом стало непонимание ею тех коренных изменений, которые начали происходить с человеком во второй половине XX столетия. Так, в новоевропейской правовой мысли радикально ставилась задача обоснования общечеловеческих гуманистических идеалов, разработки идеальных форм человеческого общежития, институтов гражданского общества, нормативно-правового закрепления идеи прав, свобод и достоинства человека и т.д., однако сам человек, во имя которого и предпринимались все эти попытки, оказался нереальным, своего рода надындивидуальным субъектом, что наглядно подтвердил опыт XX столетия. По словам В.Ю. Инговатова, «конкретный человек с его индивидуальными заботами, желаниями, правами и обязанностями подменялся теоретическими построениями о человеке как таковом, о сущности человека как такового и т.п.» [9]. На рубеже XX–XXI вв. антропологическая, а с ней и социокультурная ситуация начали испытывать настолько глубокие изменения, что под вопрос были поставлены уже не социальные статусы и роли человека в современном обществе, но сама природа, биологическая основа человека: «сама основа основ, генетическая программа человека, еще едва познанная, становится полем для экспериментов, и подобные эксперименты могут, в принципе, вызвать самые фантастические и губительные эффекты...», при этом, что характерно, современный человек все больше и больше выступает сегодня «как “существо престапующее”, имеющее тягу, одержимое желанием и влечением преступить все возможное, любую черту, которую перед человеком провела реальность или даже сама его природа; *и преступание как таковое возводится в фундаментальную антропологическую характеристику*» [курсив наш – В.П.] [10].

По отношению к этой панораме антропологических событий юриспруденция не является сторонним наблюдателем, поскольку эти события прямо касаются той области, в которой живет и действует право. Более того, сегодня не только предельные антропологические проявления (галлюциногенная и наркотическая релаксация, игровое отношение к правонарушению, виртуальная («сетевая») жизнь и др.), но и обыденные, бытовые антропологические практики часто не поддаются классическому юридическому прочтению. Например, типичные правонарушения (хулиганства, кражи, грабежи, разбои и др.) нередко совершаются по таким мотивам, как демонстративное нарушения норм морали с культивированием ценностей определенных субкультур (готы, эмо, толкинисты,

кислотники), акты религиозной профанации и кощунства, культовая символизация суицида, совершение правонарушений в форме развлечений, ради острых ощущений, маргинальное отношение к правопорядку как условие принадлежности к определенной группе и т.д. Особенно это характерно для молодежи, которая в наибольшей степени подвержена воздействию антропологических процессов, формируемых современной культурой, однако не только о молодежи идет речь. Повсеместная тяга к преступанию границ обычного, классического существования человека сегодня весьма велика, чтобы на нее не обратить внимание. Более того, наряду с девиантными формами поведения сегодня происходят серьезные изменения и в механизмах функционирования так называемого нормального сознания, прямо не ориентированного на правонарушение, однако симулятизирующего область юридического, превращая ее просто в систему нормативных знаков, не имеющих связи с реальной жизнью. Для правового регулирования такая ситуация означает системный сбой, поскольку ключевой юридический код «право–обязанность» оказывается смещенным со смысловой позиции, на восприятие в рамках которой он и был рассчитан.

Действительно, современная антропологическая ситуация, выражающаяся в симулятизации социальных структур, дезориентации, потерянности человека и всего общества, в хаотических реакциях на последствия финансовых кризисов, эпидемий различного рода вирусов (т.н. «птичьего», «свиного» гриппа и т.д.) свидетельствуют об одном очевидном факте – с сознанием современного человека происходят серьезные изменения, итогом которых для юридической науки должно стать *развенчание классического субъекта права*. Рациональный «правовой человек», с которым привыкло «работать» правоведение и на которого были рассчитаны традиционные схемы правового воздействия, сознательно воспринимающий правовые установления, формирующий свою правовую позицию, поддающийся правовому воспитанию все больше и больше перестает являться таковым. Такое классическое свойство субъекта права как «способность адекватно воспринимать (объективно, аподиктично постигать, объяснять и предсказывать) мир и себя в мире и на основе этого истинного знания рационально действовать» постепенно исчезает с антропологического горизонта [11, с. 23–24].

Юриспруденция же, прежде всего, в лице ее общей теории, пока еще остается на позициях классических установок о субъекте права и продолжает прежний путь познания и воздействия на правовую действительность путем выстраивания внешних логоцентристских барьеров (правовое воспитание, правовое информирование, разработка новых составов

правонарушений, манипулирование с юридикацией/деюридикацией социальных отношений и т.д.) неклассически мыслящему и действующему человеку XXI столетия. Мы не хотим сказать, что традиционные способы правового регулирования должны быть отброшены, но утверждаем, что главный акцент в современной методологической ситуации необходимо делать на разработке средств правового воздействия, рассчитанных на нового формирующегося неклассического «правового человека», на создании таких познавательных-юридических конструкций, которые дали бы возможность понимать сложные механизмы формирования его внутренних структур – *личностной конституции и идентичности*, которые явно не вмещаются в классический (рационалистический) эпистемологический дискурс о человеке. Это самое важное положение формирования нового юридико-антропологического дискурса, которое волей-неволей предстоит осваивать юридической науке XXI столетия, поскольку оно связано с уходом со сцены новоевропейской рационалистической картины мира. И эта работа должна начинаться с методологической переориентации юриспруденции, в частности, ее теоретико-методологического блока.

Для адекватного ответа на современные антропологические вызовы юридическая наука, прежде всего, в лице ее общей теории, должна, во-первых, отказаться от классической новоевропейской эпистемологии *как ведущей* методологической линии, фактически исключающей проблему человека, во-вторых, разработать такой дискурс, который бы позволил ей заглянуть за пределы классических правовых конструкций (гражданское общество, государство, правопорядок и т.д.) и обратиться к генеалогии современного «правового человека» и его правового поступка как раз с той целью, чтобы понять, как сегодня реально функционируют эти самые концепты. Современный же «правовой человек», это «человек рубежа тысячелетий, времени психоанализа и интернета, недавнего тоталитарного опыта, радикальных психотехнических, психоделических, виртуальных практик, гендерных революций» [12, с. 14], причем, как мы уже отмечали, его уже нельзя считать прежним классическим субъектом европейской антропологии, этого человека нельзя считать классическим субъектом права. Новый теоретико-правовой дискурс должен стать человекомерным, для эффективного правового воздействия на социальную действительность он, прежде всего, должен быть способен объяснять современного человека.

Пока, конечно, сложно говорить о том, каким должно быть конкретное наполнение антропологически ориентированной методологии, однако ясно, что в нее должны быть включены те аспекты правового бытия современного человека, которые отсутствовали в

классической антропологической модели. Это, прежде всего, не только и не столько наблюдение юридически значимого поведения (правомерное и противоправное поведение через их классический структурно-правовой анализ) и отстраивание от него способов правового регулирования, сколько изучение специфики механизмов формирования личностной конституции и идентичности современного человека в границах того значения, которое они имеют для правовой реальности. Основанием же включения этих аспектов в юридическую область является их решительное влияние на правовую сторону личностного бытия. Препрежне (в классической эпистемологии) вынесение за скобки, например, проблем внутренней жизни субъекта права, особенностей его личностной конституции, иррациональных аспектов ее формирования, влияния экономических, культурологических, религиозных, информационных и иных факторов и их серьезного воздействия на внешне выраженные, юридически значимые поступки и привело к методологическому кризису, к неспособности понимать «правового человека» таким, какой он есть. Классический субъект права если и рассматривался с этих позиций, то лишь отчасти и в отношении только того юридически значимого поведения, которое считалось исключением из правила (девиация). Сегодня же речь идет о том, чтобы антропологические факторы рассматривать как значимые для правового поведения в целом, при этом не оставлять их исследование общей антропологии, психологии, а непосредственно встраивать в новую модель «правового человека».

Антропологически ориентированная методология юридической науки, что характерно, делает еще один важный неклассический шаг в познании правовой реальности: она перемещает внимание правоведа в сферу субъективности, хотя традиционное юридическое прочтение субъективности является исключительно негативным (субъективный, значит неподлинный, необъективный). Субъективация правовой реальности дает возможность изучать не искусственно отдифференцированного правового индивидуума с внешне атрибутированными ему правовыми структурами, но цельного «правового человека», действующего в правовом пространстве исходя из ресурсов его внутренней жизни, личностной конституции, особенностей формирования его идентичности, проблем государственно-правового бытия, определяемого индивидуальным сознанием, личностным проживанием данных явлений и воздействием на него всего фона социо-культурной среды. Такое методологическое смещение, разумеется, связано с серьезными изменениями всей картины правового видения и правового воздействия на реальность, и в антропологическом

аспекте, перефразируя знаменитый тезис Р. Барта [13, с. 391], можно сказать, что за рождение нового «правового человека» придется заплатить «смертью» классического субъекта права. Иными словами, прежний классический концепт «субъект права» должен быть переосмыслен и антропологизирован, а за формально-правовыми атрибутами субъектности мы должны суметь увидеть человека как такового во всей совокупности его конститутивных признаков, которые и определяют его правовое поведение в современном мире.

Литература

1. Байтин М.И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право. – 2007. – №4. – С. 5–9.
2. Мальцев Г.В. Право и «смена вех» в научной методологии // История государства и права. – 2009. – №22. – С. 44–47.
3. Шиенок В.П. Методологические проблемы современной криминологии // Юстиция Беларуси. – 2006. – №11. – С. 20–26.
4. Марченко М.Н. Философия права и общая теория права: взаимосвязь и взаимодействие // Изв. вузов. Правоведение. – 2009. – №3. – С. 6–13.
5. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Изв. вузов. Правоведение. – 2006. – №1. – С. 31–40.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – СПб.: Acad, 1994. – 405 с.
7. Хоружий С.С. Синергичная антропология как новый подход к методологии гуманитарного знания // <http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/%2BNovgDoklad.doc>
8. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н.С. Автономова // Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер с франц. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. – СПб.: Acad, 1994. – С. 7–27.
9. Инговатов В.Ю. Антропологический поворот: характеристика европейского сознания XX столетия // http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/2000-02/30/pap_30.html
10. Хоружий С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергичной антропологии // http://synergia-isa.ru/lib/download/lib/027_Horuzhy_Novg.doc
11. Честнов И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Изв. вузов. Правоведение. – 2009. – №3. – С. 22–30.
12. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии / С.С. Хоружий. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с.
13. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.